

УДК 811.161.1(075.8)

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ВНУТРЕННЕГО МИРА ЧЕЛОВЕКА ПОСРЕДСТВОМ ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИХ МЕТАФОР

Пименова М. В.

Кемеровский государственный университет, г. Кемерово

В статье рассматриваются способы вербализации концептуальных метафор внутреннего мира в древнерусской и русской языковых картинах мира. Источником таких метафор выступает земледелие. Основное внимание обращено вопросу анализа образных и символических признаков концептов. Исследование земледельческих метафор сопровождается иллюстративным материалом из текстов художественной литературы.

Ключевые слова: языковая картина мира, внутренний мир человека, концептуальная метафора, концепт.

Постановка проблемы. Результаты исследований в рамках историко-филологических дисциплин, таких, например, как этнолингвистика и этнография, как наук о культуре народа, изучающих не только быт, способы хозяйствования, семейный и общественный уклад, ритуалы и верования, но и устную словесность, язык, концептуальные метафоры, показали значительные перспективы для современной лингвистической науки. Реконструкция древнейших оснований славянской духовной культуры возможна лишь в результате синтеза лингвистических, семиотических и этнографических методов, что и становится возможным в рамках современных лингвокультурологии и концептологии.

Сфера земледелия и вегетации – один из древнейших и базовых источников для образования образных признаков концептов внутреннего мира человека. Хорошо знакомый человеку процесс земледелия, особое отношение к земле как главной ценности, от которой во многом зависит существование человека, обусловило перенос ее характеристик на явления внутреннего мира, воспринимаемые как необходимые и важные для существования. Чаще всего земледельческие метафоры использовались в древнерусском языке для описания процесса познания, приобщения к православной вере, в современном русском языке они передают значения скрываемых чувств и обдумываемых мыслей, планов.

Цель статьи – выявить концептуализацию внутреннего мира человека посредством земледельческих метафор.

При восприятии и осмыслении мира человеком значительна роль аналогии. Человек осознает неизвестное через известное, абстрактное – через конкретное, таким образом происходит перенос знаний из одной понятийной сферы в другую. Внутренний мир человека скрыт, невидим, и потому человеческое сознание стремится закрепить за ним свойства, характерные для объектов материального мира. В языке для описания души, ума и сердца реализуются разного рода концептуальные мета-

форы: составляющие внутреннего мира уподобляются человеку, животному, насекомым, птицам, артефактам, растениям, природным явлениям и стихиям.

Отголоски земледельческих обрядов и традиций присутствуют в произведениях фольклора и классических текстах. Так, в «Слове о полку Игореве» битва описывается как процесс молотьбы, уборки хлебов и расставание души с телом – как отделение зерна от соломы: *На Немизн снопы стелютъ головами, молотять чепи харалужными, на тощ живот кладутъ, вѣютъ душу от тѣла* (Слово о полку Игореве).

Атрибуты земледелия (борона, серп, плуг и др.) были важны во многих охранительных обрядах, а земледельческие метафоры издавна использовались для представления разных сторон человеческой жизнедеятельности. Л. В. Балашова обращает внимание на то обстоятельство, что во многих случаях «каузативное представление о развитии и причинно-следственных отношениях выражается ... с помощью сельскохозяйственной лексики (посев, уборка урожая): *сне, не ши на браздахъ неправды и не пожнеши их седмерицею* (Изборник 1076)» [1, с. 27].

Земледельческие метафоры встречаются в описаниях этапов жизни человека, его внешнего и внутреннего мира. Здесь возможно говорить о существовании особого земледельческого культурного кода. Коды культуры соотносимы с древнейшими архетипами. Коды культуры как особый феномен универсальны по своей природе и свойственны всем, но их проявления в определенной культуре и метафоры, в которых они реализуются, всегда национально детерминированы и обусловлены конкретной культурой.

Душа и сердце в древнерусских текстах предстают как плодородная почва, дающая обильные плоды. Уподобление сердца пашне присутствует и в текстах Священного Писания, где сердце является пространством, которое засеяно словами: *Всякоми слышаещими слово царствия и не разумвающе, приходитъ ликавыи и восхищаетъ всѣянное в сердцахъ егв. сие есть, еже при пути сѣянное* (Мф); *Сѣя и, слово сѣть. Сии же сить, иже при пути, идѣ же сѣтся слово, и егда оуслышатъ, абие приходитъ Сатана и втемлетъ слово сѣянное въ сердцахъ ихъ* (Мк).

В современном русском языке распространены метафоры пашни, почвы. Такие метафоры встречаются в описаниях ума (*в уме зреет мысль*), сердца (*в сердце укоренилась любовь*), души (*зреть в душе*). Сердце, как пашню, засевают мысли, подозрения (*в сердце зреет зерно преступной мысли; посеять семена подозрения в сердце*), в нем зреют семена-чувства (*гнев зреет в сердце*), укореняются мысли, образы и чувства (*укорениться в сердце; вырвать из сердца*).

І. В древнерусских текстах 'нива' души и сердца подвергается всем основным действиям, которые характерны для обычного поля.

1. **Пахота.** Прежде всего ниву необходимо вспахать: *Втець бо сего Володимерь [землю] взора и оум#кчи рекше крещеньемъ просвѣтивъ. съ же насѣя книжными словесы сердца вѣрныхъ людий* (Лавр. лет.). Смягчение душевной нивы сердца – подготовительный этап для восприятия истины, необходимой предпосылкой для движения человека верным путем: *... да умягчить господь нивы душевныя сердець ваших, еже слышати и разумѣвати всѣмъ истинну и поитти путемъ правымъ, да ноги мысли нашей не поткнутся* (Моск. лет. свод.).

2. Вспаханную ниву необходимо **удобрить**, чтобы она дала обильные плоды. Удобрение и плодоношение столь тесно связаны, что это проявляется и в языке, двупредикатный глагол **оугобзити** имеет два значения: 1) *напитывать, насыщать досыта, напоить* и 2) *урождать в изобилии* (ПЦСС). Напоенная, насыщенная 'почва' души позволяет зародиться мыслям в сердце: *и потомъ минуло 11 лѣт, и угобзися святому Андрею нива душевнаа, и положися ему большая мысль въ сердце, и начя създати другии град Володимерь, и заложи третьюю церковь камену святыя Богородица о единомъ вѣрш* (Новг. I лет).

3. Наиболее распространенной является земледельческая метафора **посева**, когда душа и сердце наполняются семенами: *Прииде ж во времена глад велик на землю, самодержецъ же в тузе и в болзнии быв и, виде в падения многа, зжалися зело гладных ради, и ниву сердца своего благоразсуднаго милосердия жита насѣяв, существенную пшеницу, елико предержашу человеческому естеству, роздати повелѣ* (Новг. I лет). Зерно обладает свойством сохранять и воссоздавать жизнь, умножая ее, оно знаменует извечный круговорот, который свидетельствует о нескончаемости жизни.

В качестве семян, которыми засеяно сердце человека, выступают и благодатные слова, которые, упав на благодатную почву, прорастают: *Ярославъ сынъ Володимеръ же насѣя книжными словесы стѣрца вѣрныхъ людий. а мы пожинаемъ оученье приимлюще книжное* (Ипат. лет.). Процесс засеивания души и сердца связан с познанием истины, с приобретением человеком мудрости: *Отрокъ же сътвори поклонение старцу и акы земля плодovitая и доброплодная, сѣмена приими въ сердци си, стояше, радуяся душею и сердцем, яко соподобися такова свята старца обрѣсти* (Житие Сергия Радонежского). Но если обычно посев приносит плоды, то у некоторых людей этот процесс заведомо бесполезен в силу их несовершенной природы: *Не ши бо на бразнахъ жита, ни мудрости на сердци безумныхъ* (Моление Даниила Заточника).

4) Когда вырастает посеянное, наступает время сбора урожая, время **жатвы**. Обрѣтають бо ся сиевии не съ Христомъ събирающе пшеницу чистую, сирѣчь вѣру пречисту и непорочну въ небесныхъ его житница, еже суть сердца и мысли православныхъ вѣрующихъ в него (к. XV – перв. полов. XVI в. Соч. М. Грека, 462). Отдельному человеку удастся только произвести посев, заронив в людские сердца семена истины, а сбор урожая, жатва производится уже его потомками или духовными преемниками: *Ярославъ сынъ Володимеръ же насѣя книжными словесы сердца вѣрныхъ людий. а мы пожинаемъ оученье приимлюще книжное* (Ипат. лет.).

Итак, в описании процесса приобщения человека к истинному вероучению, в познании книжности, присутствуют все этапы земледельческих работ: пахота, удобрение, посев, жатва. Иногда все эти стадии присутствуют даже в одном контексте: *Итець бо сего Володимеръ [землю] взора и оумъчи рекше крещеньемъ просвѣтивъ. съ же насѣя книжными словесы сердца вѣрныхъ людий. а мы пожинаемъ оученье приимлюще книжное* (Лавр. лет.).

В современном русском языке из указанных метафор, основанных на признаках способов обработки пашни, используются не все. Чаще встречаются метафоры посева и самосева сердца (*семена идей заронились в сердце*), ума (*заронить в ум зерно*

сомнения) и души (*посеять в душе любовь*). Возможны метафоры созревания (*замысел созрел в душе*), сбора урожая, обработанного поля – нивы (*нива души*).

Сердце, ум и душа могут быть представлены в художественных произведениях многочисленными метафорами зерна (*Если б даже был у меня голос исполина, не почувствовал бы я, как можно людские умы и сердца собрать воедино, как собирают в богатое единство полновесные зерна ржи из тяжелого снопа...* Бальмонт. Рознь; *А кто знает, как рано начинается развитие умственного зерна в детском мозгу?* Гончаров. Обломов; *По мнению его, человеческие души, яко жито духовное, в некоей житнице сложены, и оттоль, в мере надобности, спускаются долу, дабы оное сонное видение вскорости увидети и по малом времени вспять в благожелаемую житницу благопоспешно возлететь.* Салтыков-Щедрин. История одного города). Зерно и плоды – это одни из самых древних растительных символов, при помощи которых передается идея жизни и ее непрерывности. По замечанию М. М. Маковского, «слова со значением “хлеб на корню” соотносятся со словами, имеющими значение “дух, душа, дыхание”»: ср. тох. A wsaг “хлеб на корню”, но тох. A wtaс “дыхание”; хет. halki “хлеб на корню”, но ирл. scal “дух”; др.-англ. bled “хлеб на корню”, но англ. breath “дыхание”; хет. harsi “хлеб, зерно”, но латыш. gars “душа”; др.-инд. dhana- “хлеб на корню” (*dheg-na), но русск. дух, душа [4, с. 172]. Значение «хлеб (на корню)» могло связываться также со значением «центр», «середина» (в отличие от Хаоса); ср. хет. halki «хлеб на корню», но валл. curch «половина, середина»; греч. αρτον «хлеб», но др.-инд. ardha- «половина, середина»; гот. hlaibs «хлеб», но нем. Halb «половина, середина» [4, с. 173].

Среди других вегетативных признаков души можно отметить признак ‘сухая трава’ (*соломенная душа прост.; сохнуть душой*). *Соломенной душой* презрительно называют трусливого, малодушного и ненадежного человека (ср.: *Гаврило ничего этого, что надо было, не сказал управителю; такая уж душа соломенная! Не токмо перед управителем, другой раз и перед своим-то братом, – кто побойчее, – и то молчит.* Григорович. Пахатник и бархатник).

II. Второй немаловажный аспект в характеристике сельскохозяйственной метафоры – классификация типов земледельцев, которые трудятся на ‘ниве’ души и сердца.

1. В качестве земледельца, возделывающего ниву внутреннего мира, может выступать Бог: ... *да умягчит господь нивы душевныя сердцеъ ваших, еже слышати и разумѣвати всѣмъ истинну и поитти путемъ правымъ, да ноги мысли нашей не поткнутся* (Моск. лет. свод.)

2. В качестве сеятеля может выступать и дьявол, что вызывает негативные проявления в поведении человека: *Андрѣи же кнѣзь ... располѣвьсѣ гнѣвомъ. такова оубо слова похвална испусти. яже Б(ого)ви студна и мерьска. хвала и гордость. си бо вся быша от дьявола на ны, иже въсеваеть въ сердце наше хвалу и гордость* (Ипат. лет.). Сатана также стремится помешать семенам, брошенным в сердце человека Сеятелем, дать всходы, прорасти: *Сѣя и, слово сѣть. Сии же сѣть, иже при пути, идѣ же сѣтся слово, и егда оуслышати, абие приходитъ Сатана и втемлетъ слово сѣянное въ сердцахъ ихъ.* (Мк).

3. В роли сеятеля может выступать один человек по отношению к другому: *Не сѣи бо на бразнахъ жита, ни мудрости на сердцахъ безумныхъ* (Моление Данила Заточника),

либо к самому себе. В сборнике афоризмов «Пчела», получившем широкое распространение в Древней Руси, приводятся слова Сократа: *Вот увидел ученика своего, отдающего силы пашне, а к учению нерадивого, и сказал: «Берегись, друг, если только пашню свою хочешь возделывать, а душу свою оставишь необработанной»* (Пчела).

Для современного языкового сознания актуальными выступают не все существовавшие ранее земледельческие метафоры. Практически не встречаются метафоры удобрения и пахоты в описаниях души, ума и сердца. Это объясняется теми условиями новой жизни, когда современный человек мало знает о деталях сельскохозяйственных работ. Соответствующие метафоры употребимы обычно в религиозных текстах, сохраняющих канонические сравнения. Эти каноны знакомы не всем современным носителям языка.

Глубокая архаика метафор обработки земли связана с мифологическим сознанием человека; «именно земледелие в большей степени определяло представление древнего славянина о самом себе и окружающей действительности» [2, с. 118]. Возникновение и развитие земледельческих метафор связано с условиями существования славян, которые по преимуществу были земледельцами. В этой связи человек мыслился не как социальное существо, как это свойственно современному языковому сознанию, а как природное существо. Метафорично человек представлен в языке как некий плод, который зарождается в утробе матери (слово *плод* имеет значения «часть растения» и «потомство»), а по мере взросления он становился зрелым (ср.: *Когда у ней [Ольги] родился в уме вопрос, недоумение, она не вдруг решалась поверить ему: он был слишком далеко впереди ее, слишком выше ее, так что самолюбие ее иногда страдало от этой незрелости, от расстояния в их уме и летах.* Гончаров. Обломов). Как отмечает Н. Е. Мазалова, «естественная смерть наступала, когда человек исчерпывал отведённую ему жизненную энергию: “Не старый умерал, а поспелый”» [3, с. 134].

Составляющие внутреннего мира воспринимались как части природного мира. Плод в мифологической традиции символизирует идею изобилия, плодородия, успеха, жатвы. *Сердце*, как плод, созревает (*сердце созрело*), бывает сладким (*сердца сладостная страсть*). В духовном плане плод – это символ мудрости (ср.: *Эти книги вымыли мне душу, очистив ее от шелухи впечатлений нищей и горькой действительности.* Горький). Признаки плода используются для описания эмоциональных переживаний человека (*Плохо бедняге – не ест и не пьет, червь ему сердце больное сосет...* Некрасов. Несжатая полоса), результатов умственной деятельности (*плоды чужого ума; плодовитый ум*), опыта и его отсутствия (*зрелый ум; незрелый ум/ умок; Незрелый умок, что вешний ледок*). Опыт относится как к области эмоционального, так и ментального знания (*Его сердце созрело прежде ума.* Лермонтов. Странный человек).

Сердце представляется метафорами земли и ее функциональными признаками – почвы и ландшафта. В земле-сердце лежат камни (*А подумать – правы смрадные уста: для высокой славы слишком я проста, был бы камень в сердце – тишь была б да гладь!* Васильева. Обида), на дне сердца-земли хоронят тайны (*Роковая тайна была похоронена на дне сердца, но с этого дня червяк смерти засел уже в нем.* Лажечников. Ледяной дом), из почвы-сердца бьют ключи (*Любовь, стыдливость, которой не*

учили ее в гареме, а научила сама природа, **били ключом из ее сердца** и выступали на щеках румянцем, в глазах – томительным огнем. Лажечников. Ледяной дом).

Признаки ‘земли’ у души актуализируются земледельческими метафорами почвы и засеивания зёрен в эту почву (*заронить в душу зерно сомнения; посеять в душе надежду*). В душу-почву просачиваются чувства (*Радость, что он ещё живой, которой он не давал до этого хода, нет, не нахлынула на него, а так, потихоньку начала пробиваться, **просачиваться в душу**...* Кондратьев. Сашка).

Ландшафт мира души представляет благоустроенное, освоенное пространство сада (см. [5]). В душе растут сады (*Но Дух не спит – и поборает ад. Верь в чудо, исцеляются калеки. И если мы сейчас – в Железном веке, **В душе растёт посеянный в ней сад*** Бальмонт. Нет Бога, кроме Бога). Сад – облагороженное, освоенное пространство, которому противопоставляется дикое, неосвоенное пространство леса. В русской лингвокультуре лес понимается как темное, непроходимое пространство. Соответствующие метафоры, переносимые в область внутреннего мира, связывают эти признаки с отсутствием умственной работы (*Лес кругом его и в душе всё чаще и темнее; тропинка зарастает более и более; светлое сознание просыпается все реже и только на мгновение будит спящие силы*. Гончаров. Обломов); ср. метафору: *непроходимо глуп*.

Необлагороженная часть пространства души описывается через образы пустыни – безжизненного, неосвоенного пространства внутреннего мира (*пустынная душа*). Признаки пустыни передаются признаками ‘отсутствия воды, необходимой для почвы-души’ (*сухая душа; печаль/ горе сушит душу; любовь иссушила/ высушила душу*), ‘безжизненность’ (*безжизненная душа*). Слово *пустыня* мотивировано признаком ‘пустота’ (ср.: *С опустошенной душой скакал в глубь калмыцких бесплодных степей Иван Кочубей*. Первенцев. Кочубей; *И снова, преданный безделью, Томясь душевной пустотой, Уселся он – с похвальной целью Себе присвоить ум чужой*. Пушкин. Евгений Онегин). Пустыня в русской языковой картине мира – это пространство, где отсутствуют признаки жизни; песок и оазисы совершенно не обязательные составляющие «русской пустыни». *Душа-дом* – обжитое пространство – может быть окружено пустыней (*Нет конца и нет начала, Нет исхода – сталь и сталь. И пустыней бесполезной Душу бедную обстала Прежде милая мне даль*. Блок. Как свершилось, как случилось?).

Почва ума требует влаги, – этой метафорой описываются знания (*напитать ум*), в эту почву бросают зерна – мысли, мечты (*заронить в ум мысль/ мечту*). Почва ума бывает истощенной и плодородной (*неистоцимый ум; истоцённый ум*). Плодородие почвы ума зависит от степени насыщенности водой (*иссушить (свой) ум*). Иссушают почву ума знания (*Мы иссушили ум наукою бесплодной, Тая зависливо от ближних и друзей Надежды лучишие и голос благородный Неверием осмеянных страстей*. Лермонтов. Дума).

В описаниях внутреннего мира встречаются климатические характеристики, когда «земля» ума или сердца описывается как покрытая снегом (*Зимней степи сумрак скучный, Саван неба, облака! И простёртый саван снежный На холодный труп земли! Вы в какой-то мир безбрежный Ум и сердце занесли*. Вяземский. Дорожная дума; *Большие крылья снежной птицы Мой ум метелью замели*. Блок).

Выводы. Земледельческие метафоры в истории русского языка развивались по пути первоначальной актуализации признаков способов обработки земли, с постепенным переходом к ландшафтным признакам, с помощью которых выражались особенности освоенности или неосвоенности компонентов внутреннего мира. Для русского языка актуальны когнитивные модели 'свое → освоенное, полезное, дающее плоды, красивое, светлое и ухоженное пространство внутреннего мира', 'чужое → неосвоенное, темное, опасное пространство внутреннего мира'. Эти модели используются для описания внутреннего мира, в частности, при концептуализации вегетативных характеристик компонентов внутреннего мира. Такие модели проявляют ландшафтные особенности проживания русского народа: непроходимый лес, бор, чаща – то, что окружает поселения людей, сад, нива, возделанная земля – то, что создает народ в процессе своей деятельности.

Список литературы

1. Балашова Л. В. Роль метафоризации в становлении и развитии лексико-семантической системы (на материале русского языка XI-XIV вв.) : автореф. дис. на соискание ученой степени кандидата филол. наук : специальность 10.02.01 «русский язык» / Л. В. Балашова. – Саратов, 1998. – 22 с.
2. Кошарная С. А. Миф и язык: Опыт лингвокультурологической реконструкции русской мифологической картины мира : [монография] / Светлана Алексеевна Кошарная. – Белгород : Изд-во БелГУ, 2002. – 288 с.
3. Мазалова Н. Е. Состав человеческий: человек в традиционных соматических представлениях русских : [монография] / Н. Е. Мазалова. – СПб. : СПбГУ, 2001. – 192 с.
4. Маковский М. М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках. Образ мира и миры образов / М. М. Маковский. – М. : ВЛАДОС, 1996. – 415 с.
5. Пименова М. В. *Душа и дух*: особенности концептуализации : [монография] / Марина Владимировна Пименова. – Кемерово : ИПК «Графика», 2004. – 386 с.
6. Полный церковно-славянский словарь : в 2-х т. / [сост. Г. Дьяченко]. – М., 1998.

Пименова М. В. Концептуалізація внутрішнього світу людини за допомогою землеробських метафор / М. В. Пименова // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2012. – Т. 25 (64), № 4, ч. 2. – С. 303–309.

В статті розглядаються засоби вербалізації концептуальних метафор внутрішнього світу у давньоросійській та російській мовних картинах світу. Джерелом таких метафор виступає землеробство. Особу увагу приділено питанню аналізу образних та символічних ознак концептів. Дослідження землеробних метафор супроводжується ілюстративним матеріалом з текстів художньої літератури.

Ключові слова: мовна картина світу, внутрішній світ людини, концептуальна метафора, концепт.

Pimenova M. The conceptualization of man's inner world through agricultural metaphors / M. Pimenova // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2012. – Vol. 25 (64), No 4, part 2. – P. 303–309.

The article presents an analysis and description of the conceptual metaphor of man's inner world in Old Russian and Modern Russian languages' picture of the world. The main source of such metaphors is agriculture. This article discusses the problem of the conceptual metaphor's analysis: it's different figurative and symbolic features and components which forms the structures of the man's inner world concepts. Analysis of the metaphor's parts are demonstrated on the concepts *душа, дух, сердце, ум* which allows to study the formation of core component and interpretative field in literature sources.

Key words: the language picture of the world, mans' inner world, conceptual metaphor, concept.

Поступила в редакцию 12.10.2012 г.